

«Прошло пятьдесят лет, а все как перед глазами...»

Интервью с легендарным одесситом Яковом Ильичом Железняком – чемпионом Олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене в стрельбе по мишени «бегущий кабан»

Яков Ильич Железняк (р. 1941) – советский и украинский стрелок, многократный чемпион мира, Европы, СССР в стрельбе в винтовочных упражнениях. Олимпийский чемпион (1972), заслуженный мастер спорта СССР (1972). Кавалер ордена «Знак Почета».

Живет в Одессе.

– Известно, что в 1967 г. советское руководство отказало вам, к тому времени известному спортсмену, в выезде на чемпионат мира в Италию в связи с военными действиями в Израиле. В знак протеста вы покинули сборную... Как это было?

– ...Стрельбой я увлекся в четырнадцать лет, когда еще учился в Одесском машиностроительном техникуме. И уже в 1955 г. стал выступать за спортивное общество «Динамо» (Одесса).

Так это начиналось...

В 1967 г. на Spartakiade народов ССР я завоевал две золотые медали, поставил два рекорда СССР выше мировых.

Готовился к чемпионату мира в Италии. Чувствую, вдруг начались какие-то придирки. Одному мне – контрольная проверка: «Никто не будет стрелять, кроме Железняка...». Отстрелялся, результат – высшее достижение сезона. Причем я уже был членом сборной СССР. Тренер снова объявляет: «Контрольные стрельбы». Стрелял вместе с каким-то запасным...

Понял: будут искать зацепки... Война на Ближнем Востоке. Израиль. И все такое...

Я к руководителю стрелкового комитета «Динамо» Исааку Борисовичу Западинскому – авторитетнейшему человеку, на ко-

тором, в принципе, держался весь стрелковый спорт. Он: «Ты же взрослый, решай сам...». В наш разговор вклинился Саша Забелин, pistolетник, заслуженный мастер спорта, член сборной СССР: «Ты что, не понимаешь? Никуда не поедешь. Вашего брата

теперь не выпустят. Будут устраивать всякие проверки, пока ты сам не сорвешься».

Стало обидно. Официально мне никто ничего не говорил. Пошел на контрольные стрельбы и... начал валять дурака. Специально отстрелялся халатно. Как бы назло.

Собрал вещи и уехал в Одессу. И тянулось это до 68-го года.

- Отголоски той Шестидневной войны 1967 г. на Ближнем Востоке еще как-то сказывались на вас?

- 1967 год... После Спартакиады народов СССР в Киеве устроили торжественный прием по случаю успешного выступления команды Украины. Поздравления, награды, подарки... Присутствовал сам Щербицкий – тогдашний первый секретарь ЦК КПУ!

Достаточно сказать, что украинские стрелки взяли четыре (!) золотых медали, в том числе моих – две. Вручали высшую награду Советской Украины – грамоту Верховного Совета Украины! Насколько мне помнится, за нее даже были какие-то льготы...

Ну, думаю, сейчас вызовут меня. Сидел в сладком ожидании.

Не вызвали. Мне – ничего. Было такое ощущение, как-будто меня обокрали...

А через какое-то время спросил главного тренера, моего большого друга: «Коля! Объясни, почему так?! Всем, а мне – нет». В ответ: «Ты что! Я тебя сразу же включил в список. А начальство мне: зачем ты его поставил? Еврея в этот список?! Если хочешь, чтоб другие получили, вычеркни его сам».

Так это было... Время такое...

- Только в 1969 г. в программу Олимпийских игр включили стрельбу по «бегущему кабану». Как вы восприняли это?

- Конечно, сразу воспрянул духом. Советовался с близким другом, известным одесским боксером Ромой Песиным*. Я понимал: чтобы вернуться в сборную, надо быть на голову выше других.

* Песин Роман Давидович (1939-1998) – мастер спорта СССР. Трехкратный чемпион Одесского военного округа, неоднократный чемпион Одесской области, призер первенства Украины и Молдовы. В 20 лет – финалист первенства Вооруженных сил СССР. Чемпион ЦС ДСО «Водник». В память о Роме Песине в Одессе проводятся ежегодные международные соревнования, а также турниры по боксу среди юниоров.

Начал серьезно тренироваться, прежде всего, занимался физическими упражнениями. И боксом в первую очередь.

В 68-м на первенстве Союза выиграл три медали – серебряную и две бронзовых. К этому времени в сборной, как говорится, сменилась власть. И вот на сборах сидим в гостинице, играем в кинга. Один из наших жутко курил, а я, вообще-то, иногда только покуривал. Тут заходит группа тренеров. Дым столбом! И сразу именно по мне: «Железняк! А мы думали, что ты одумался...».

От чего я должен был одуматься?!

И тут назло всем я специально закурил...

А мне говорят: «Ты что?! Они же пришли приглашать тебя в сборную!».

Опять я оказался вне сборной.

После этого в 1971 году была Спартакиада народов СССР, где я снова сильнее всех. Мой рекорд – выше мирового!

Вот так потерял пять самых лучших лет.

Все равно – обида обидой, но я готовился, не жалея сил и времени.

А когда уже подходили к Олимпиаде-72, на коллегии спорткомитета, еще за полгода до Олимпиады, сам Павлов** внезапно спросил: «Говорят, в Одессе есть парень, который стрелял выше мировых рекордов. Почему он не в сборной? Почему нет Железняка?!».

Ему робко намекнули: «А он курит».

Павлов не сдержался: «Курит?! Да если он привезет медаль любого достоинства, я официально разрешу ему курить и еще бутылку поставлю!». Так меня снова вернули в сборную.

И еще о придирках.

До Олимпиады на сборы ко мне в Москву приехали жена Валя с сыном. Я отпросился на ночь.

Тренер сборной СССР по стрельбе, эстонец Энн Йоганович Меривяли, проверял только меня одного. Дежурный тренер нашей пистолетной группы латыш Янис Лацис сказал мне: «Ну смотри, но только в понедельник на зарядке чтобы обязательно был».

** Павлов Сергей Павлович (1929-1993) – советский государственный и общественный деятель. С 1968 по 1983 г. – председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР.

Утром в понедельник, в 6:30, я уже был на месте. И все же: «Вы отчислены из сборной». При этом наши, все остальные, только-только начали выползать на зарядку. Я уже собрал вещи на Одессу. Тут меня остановил Янис Лацис, у которого я отпрашивался. Как-то ему удалось отстоять меня.

Нервы... У меня на теле даже появились какие-то пятна. Потом мне моя мама, а она врач, определила: «Это на нервной почве».

Так что, не все так просто.

...Вообще, честно говоря, для меня самые страшные дни – дни, когда меня включили в сборную. Я, как никто другой, понимал, что обложен со всех сторон. Мой результат должен быть никак не ниже второго места.

Чуть забегаю вперед, скажу, что в сборной был еще один стрелок-еврей, Боря Мельник* из Львова. В итоге тогда в Мюнхене он стал серебряным призером.

А что я?

Как только мог, старался держать себя в руках, не нервничать. Чтоб все без эмоций, чтоб сохранить себя для уверенной стрельбы.

Я стрелял 31 августа и 1 сентября. Стал первым! Тут же Павлов вручил мне «Заслуженного мастера спорта СССР».

Кстати, тогда на Олимпиаду поехали еще четыре одессита и все вернулись домой с медалями – Женя Лапинский, Юлия Рябчинская, Володя Семенец, Коля Авилов. Знай Одессу!

– Яков Ильич, в сентябре 1972 г. в Мюнхене в качестве заложников были захвачены израильские спортсмены. Какова была обстановка на Олимпиаде, связанная с этими событиями? Что запомнилось?

– Конечно, помню эту трагедию. И сейчас все перед глазами.

С окончанием нашего выступления всю команду стрелков отправили домой, а меня с Борей оставили для участия в закрытии Олимпиады. Я старался не выходить в город, хотя нам дали даже

* Мельник Борис Петрович (1945-2016) – советский стрелок, серебряный призер Олимпийских игр в Мюнхене (1972). Заслуженный мастер спорта СССР (1972). Двукратный чемпион мира (1970), шестикратный чемпион Европы, многократный чемпион СССР. Эмигрировал в Израиль.

какие-то премиальные. Потом все же решили поехать в центр, хотя бы что-то взять домой.

И вот выходим из корпуса, где жили, идем в сторону столовой. Встречаем наших фехтовальщиков: «Вы знаете, что еврейскую делегацию захватили?!».** Сначала подумалось: это очередная шутка. А тут видим, стоят спецмашины, бронетранспортеры... Совершенно другая, какая-то очень настороженная обстановка.

Увидели одного из израильских стрелков, его обступили, расспрашивают. Вокруг толпа народу. Поняли: произошло что-то очень серьезное.

Мы быстро выскочили в город, выходим из метро. На нас рубашки с советской символикой и надписью «СССР». Вокруг паническая атмосфера. Люди избавляются от билетов на соревнования. Слухи, что Олимпиада будет вот-вот закрыта. По дороге попались какие-то туристы из Чехословакии. И сразу к нам: «А, русские?! Вы у нас в Праге тоже стреляли». Мы, конечно, огрызнулись, не совсем понимая, какое это имеет отношение именно к нам.

В Мюнхене в витринах практически всех магазинов работали телевизоры. На экранах – пустые трибуны, траурные мелодии. Жутко...

Заходим в большой магазин. Мы-то вообще тогда мало что знали об этом нападении, а тут слухи: «Это рука Москвы! У них автоматы Калашникова...». Все смотрят на нас, мягко говоря, недружелюбно. Тут один на русском языке: «Вы из сборной команды? Как вы воспринимаете эту ситуацию?!». Мы ответили, как чувствовали. Мол, это бардак! Даже войны останавливались во времена Олимпиад. А тут такое... Видим, к нам уже относятся как-то по-другому, с каким-то даже сожалением.

Подшли к главному входу в олимпийскую деревню. Стоит мужчина в советской форме. Кричит: «Куда вы ходили?!». Мы: «Чего это на нас орете?!». Понятно, это был наш «смотрящий»,

** 5 сентября 1972 г. в Мюнхене произошел теракт. 11 израильских спортсменов (4 тренера, 5 участников соревнований, 2 судей) были захвачены палестинскими террористами из организации «Черный сентябрь». Операция по спасению заложников завершилась провалом – все заложники погибли. В ночь на 6 сентября 5 из 8 террористов убиты в ходе спецоперации.

очередной чекист. Оказывается, нас с Борей уже искали. Мол, пропали два еврея. Мало ли что?!

Вся советская команда на казарменном положении. Под охраной немецких автоматчиков. Место нападения террористов огорожено канатами, а вокруг шатается много олимпийцев из разных команд.

Какая-то неразбериха. Потом выяснилось, что немецкие спецслужбы отказались от помощи Израиля, имеющего огромный опыт борьбы с террористами. А у самих-то ничего не получилось...

Немцы решили замаскироваться под спортсменов, но это было даже нам очень заметно. Надели футболки прямо на военную форму, в туфлях вместо кроссовок. К тому же с автоматами через плечо. Примитивно... Мы их, помнится, даже освистали.

– А какова была реакция руководства советской делегации на эти события?

– Наши руководители нам, конечно, ничего не пояснили. Как обычно, сами не могли принять решение, взять ответственность на себя. Как водится, ждали указаний из Москвы. А может, из нашего посольства.

Кстати, через русского переводчика стрелки израильской команды знали, что в сборной СССР по стрельбе – два еврея. И что именно они оказались лучшими.

В те минуты я воспринимал эту ситуацию так, что вроде бы все уже договорилось до чего-то. Предоставили самолет. Мол, отпустят заложников. Прилетели вертолеты, все пересели в них. Вначале даже говорили, что террористы поменялись с заложниками одеждой.

Стемнело... Стрелки... Снайперы... Крики...

Мне подумалось: на каждого террориста – по несколько снайперов. Началась беспорядочная стрельба. Взорвали вертолет с заложниками.

Во все это не верилось до конца...

Вокруг аэродрома немцы устроили облаву. Трех террористов поймали, убили пятерых.

На следующий день – траур. Вообще никто не знал, будет ли продолжение Олимпиады.

Арабские делегации сразу же покинули Мюнхен. Делегации всех стран, кроме Советского Союза, участвовали в траурной церемонии.

Наши ребята возмутились: «А мы что, уроды? Почему мы не идем?!». В ответ: «Мы заботимся о вас. Есть информация, что готовится акция против советских спортсменов».

Ничего лучшего придумать так и не смогли.

Вот тебе на деле спортивное единство всего мира...

Честно говоря, я выдохся, обессилен... Долго не мог прийти в себя от всей этой политики, от вопиющей несправедливости.

Все это как-то сразу проявилось и сработало.

Очень хотелось домой, в Одессу.

Для следующей Олимпиады, в Монреале в 1976 г., у меня, честно, уже не было того запала. А наши ребята молодцы, заняли первое и второе места.

– Говорят, что в те годы вы встречались с самим Михаилом Калашниковым – легендарным конструктором стрелкового вооружения. Как это было?

– После Олимпиады в Мюнхене стрелковое руководство спорткомитета СССР командировало меня в Ижевск для изготовления по спецзаказу персонального спортивного оружия.

Надо сказать, что в то время простому смертному попасть на оружейный завод, тем более в Ижевск, было практически невозможно. Все, что связано с обороной, строго засекречивалось. Тем более что мне предстояло попасть в экспериментальный цех самого Калашникова! Сам Калашников заточен только на оборону, повернуть его в сторону спорта было нереально.

Как говорится, прошел всевозможные проверки, всякие допуски и пропуски. Вот я уже четвертый день на заводе. Работы над моим ружьем подходят к концу. У меня в кармане уже обратный билет на самолет – рейс «Ижевск – Москва – Одесса». И тут в этом экспериментальном цеху я лицом к лицу сталкиваюсь с Калашниковым!

Калашников строго спросил: «Почему в цеху посторонние?». Подняли на ноги охрану, срочно собрали совещание. А он опять: «Почему посторонние в цеху?!».

Тогда один из специалистов, который занимался мной, ответил: «Это не посторонние. Это член сборной страны по стрельбе. Он специально направлен специально к нам за персональным оружием. Он чемпион Олимпийских игр в Мюнхене».

Калашников все же каждый раз повторял: «Ну и что? Ну и что?!».

И тут выложили главный козырь: «Он единственный в нашей команде (!) и единственный из олимпийских чемпионов (!), кто стрелял из отечественного оружия. Оружия нашего завода!».

После длинной паузы в мертвой тишине Калашников произнес: «Снимайте любого рабочего, любого специалиста! Сделайте все, как следует...».

В итоге получилась прекрасная винтовка!

Я из нее установил несколько серьезных рекордов, включая мировой...

Записал Михаил Пойзнер

